

"Думаю... тогда это прощание. Это к лучшему. Так и есть." Он говорил так, словно пытался убедить себя. А еще в его голосе слышались неясные слезы.

Астрид не позволила бы ему похоронить свой секрет, пока она не узнала его. Она должна была узнать, в чем его секрет и с кем он разговаривает, сейчас же!

В тот самый момент, когда она перепрыгнула через валун, за которым пряталась, порыв сильного ветра и что-то мягкое, но твердое ударило ее по лбу, отправив в полет, пока она, ошарашенная, смотрела на звезды в обрамлении бухты. Застонав, поскольку скрываться теперь не было смысла, она села, ожидая увидеть холодноглазого Иккинга и того, кто был его спутником, смотрящих на нее сверху вниз. Вместо этого она обнаружила лишь пустую поляну и тихое озеро, над которым шелестел поздний летний ветерок. Черт бы его побрал, он снова ускользнул от нее!

Она шипела и ругалась, звала его выйти, но он не выходил. Она слишком поздно поняла, что ей следовало бы прислушаться, нет ли признаков его или его спутника, но когда она выбралась из бухты, там не было кустов подлеска, достаточно больших для человека. Пообещав себе поединок завтра перед последним уроком, Астрид уступила Иккингу и отправилась домой.

Как только она подошла к своей кровати, ей на глаза попался пергамент, и сердце ее забилося - конечно же, она совсем забыла о нем в пылу погони. Разорвав пергамент, она села на кровать, чтобы с любопытством почитать, и чем дальше, тем больше ужасалась.

Астрид,

Пожалуйста, простите мою бесцеремонность за то, что я без разрешения вошел в вашу комнату; это случай, который больше не повторится. Я только хотела поблагодарить тебя и извиниться.

Ты была права, все эти недели назад, когда сказала мне, что я всего лишь позор для моего племени, моего клана и моего отца. Я не хотел этого видеть, потому что, конечно, кто бы хотел этого? Но то, что я этого не видел, лишь показывает, насколько ты был прав, и каким бременем для Берка был мой эгоизм. Я сделал все возможное, чтобы быть хорошим беркским фондом, но, похоже, это не мое предназначение, и поэтому пришло время двигаться дальше.

Я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы нашли в себе силы сказать мне то, что я не хотел слышать; я ценю вашу честность. Никто больше не считал меня достойным тратить на меня время, но ваша прямота и ясность мышления всегда вызывали у меня восхищение. Это помогло мне сделать правильный выбор.

Я попросил отца назначить тебя своим следующим наследником - среди нас нет никого более способного, в этом я уверен, и мой отец это увидит. Ты заставишь гордиться своим отцом и моим; это всегда было в тебе, и я всегда восхищался тобой за это. Я не в том положении, чтобы просить о милостях, но все же попрошу об одном: пожалуйста, позаботься о моем отце и сделай так, чтобы он гордился тобой там, где я никогда не смогу.

Твои топоры нуждаются в обслуживании лишь раз в месяц - попроси Плеваку чинить больше всего третьи топоры. Он поймет.

Нижние пещеры и отвесный скалистый берег представляют собой стратегическую опасность, как и отсутствие валов в задней части острова, обращенной на восток от точки Ворона. Напомни как-нибудь моему отцу о них. Я уже напоминал, но он будет лучше слушать тебя, и не зря.

Желаю тебе всего хорошего - веди Берк к процветанию, Астрид. Игнорируй Сморгча, когда можешь, и ставь его и близнецов в те места, где ты хочешь, чтобы все ломалось и получало синяки; они - сила, с которой нужно считаться. И слушайте Рыбьенога, когда у вас хватит на это терпения - он увидит сильные и слабые стороны быстрее, чем кто-либо другой.

Да будете вы все в безопасности, и удачливее теперь, когда я больше не могу оставлять беспорядок для уборки и ресурсы впустую. Будьте здоровы.

Иккинг

Астрид с открытым ртом смотрела на аккуратные ряды черных рун на пергаменте, не в силах поначалу ничего понять. Смутный голос в глубине ее сознания беспорядочно повторял разные мысли - глупый мальчишка, что он делал, убегая, как ребенок. И ах - значит, его прощение в той бухте было адресовано не его спутнице, а Берку. И разве это не прекрасно, что он больше не будет сеять хаос едва ли не больший, чем драконы?

Последняя мысль, казалось, пробилась сквозь дымку неверия и вызвала резкую боль в животе, смесь ужаса, вины и страха. Она была сурова, конкурентоспособна, неумолима; она не хотела оттолкнуть его. Она лишь хотела принять вызов, стать лучше, стремиться к победе и упорствовать, как она всегда делала. Эхо ее жестоких слов звенело в ушах, когда она перечитывала ту часть, где он благодарил ее за это. Намеки на помощь, бреши в их обороне, даже тон, которым он говорил о своем уходе, - все это звучало так, словно, хотя он и знал, что он им не нужен - настолько, что он уходит, - он все равно отчаянно хотел помочь.

Часть ее возмущалась тем, как жалко это звучало, как слабо и немощно было убегать только потому, что вписаться в общество было проблемой. Но еще большая часть тонула в чувстве вины за то, что увела мальчика из дома и убедила его, что отец стыдится его, а она вдруг вспомнила его последние слова в бухте, его тон и его новое значение в этом свете. Она была виновата в том, что прогнала единственного сына вождя.

Она испуганно провела рукой по волосам и чуть не вскрикнула, когда ее пальцы наткнулись на что-то холодное и чужое, застрявшее между корягой в волосах и крансеном. Пошевелив пальцами, она почувствовала, что там, под кожей, находится что-то круглое и плоское, и после нескольких осторожных и деликатных манипуляций ей удалось вытащить это. Зажегши свечу, она поднесла его к свету.

Это была самая странная вещь, которую она когда-либо видела: плоская, черная, как ночь, и

пропускающая очень мало света с темно-синим оттенком полуночи. Края были гладкими и толстыми, круглыми, как монета, но с одной стороны сужались. Казалось, что это драгоценный камень, самый красивый из всех, что она когда-либо видела, так как при повороте его на свет проявлялись различные оттенки темно-синего цвета в пестрых узорах, словно дым из трубки, поднимающийся к ночному небу.

Астрид сжала кулак, прикусив губу; этот камень застрял в ее волосах, когда ее ударили - вероятно, спутник Иккинга, - когда они убегали. Он должен был быть богатым и сильным, чтобы сбить ее с ног и выронить этот камень из одежды, ножен или кожи. Кем бы он ни был, Астрид не собиралась отдавать его обратно: теперь он принадлежал ей, как напоминание о ее глупости и ненужной жестокости.

Свет, пробившийся сквозь деревянные ставни окна, возвестил ей, что наступило утро; новая паника охватила ее - она не должна была сидеть здесь и утешать себя, она должна была быть на улице, предотвращать глупый побег Иккинга с кем-то, кто явно был чужим в Берке, направляться боги знают куда, чтобы делать боги знают что, с ужасными сценариями невольничьих рынков и непристойных вещей, проносящихся в ее голове.

Выбежав на улицу, она не ожидала увидеть Берк в полном беспорядке. Однако, когда она остановилась достаточно, чтобы понять, что все знают, она поняла, что Стоик уже на охоте. Часть ее почувствовала облегчение - Берк уже на подступах, он не уйдет далеко с таким незначительным преимуществом. Другая часть ее болела от страха, что ее роль в его исчезновении будет обнаружена - но тогда она заслужила бы это. Взяв себя в руки, она отправилась на поиски отца, ведь если она собиралась опозорить клан, он имел право знать. В конце концов, он и она всегда хорошо решали проблемы вместе, и она готова была признаться - хотя бы самой себе, - что впервые за долгое время она действительно напугана и растеряна. Она действительно просто хотела к отцу. Точно так же, как Иккинг хотел только своего.

С этой тошнотворной мыслью она выскочила за дверь.

<http://tl.rulate.ru/book/92895/3043384>